

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА: БИОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ

Александр Кошелев

Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого

Анотація:

Рассмотрены теоретические и практические аспекты и составные компоненты экологической культуры, ее становление и развитие в процессе эволюции человека. Проведен анализ биологических, социальных и культурных ограничений и запретов в экологической этике и культуре в целом. Критически рассмотрен вопрос уникальности человека как биологического вида и феномена религиозности, его места и роли в экологической культуре современного общества. Показано, что техническая цивилизация, направленная на покорение и уничтожение природы, привела к глобальному экологическому кризису и поставила человечество на грань вымирания. Определено, что выживание человечества зависит от его способности усвоить и выполнять основные экологические законы и принципы экологической культуры и мышления.

Кошелев Олександр. Екологічна культура в контексті біосоціальної еволюції людини: біосоціокультурні обмеження та заборони

Розглянуто теоретичні та практичні аспекти й складові компоненти екологічної культури, її становлення та розвиток у процесі еволюції людини. Проведено аналіз біологічних, соціальних і культурних обмежень і заборон в екологічній етиці та культурі в цілому. Критично розглянуто проблему унікальності людини як біологічного виду та феномена релігійності, його місця й ролі в екологічній культурі сучасного суспільства. Показано, що технічна цивілізація, спрямована на підкорення та знищення природи, призвела до глобальної екологічної кризи й поставила людство на грань вимирання. Визначено, що виживання людства залежить від його здатності засвоїти й виконувати основні екологічні закони та принципи екологічної культури й мислення.

Koshelev Olexandr. Ecological culture in the context of biosocial human evolution: biosociocultural limitations and prohibitions

The article deals with theoretical and practical aspects and components of ecological culture, its beginning and development in the process of human evolution. Biological, social and cultural limitations and prohibitions in ecological ethics and culture in whole are analyzed. The critical analysis of the question of uniqueness of a man as a species and of the phenomenon of religiousness, and its place and role in ecological culture in modern society is given. It is shown that technical civilization which is aimed at conquest and destruction of nature led to global ecological crisis and brought humanity to extinction. It is defined that the survival of humanity depends on its ability to master and execute basic ecological laws and principles of ecological culture and thinking.

Ключові слова:

человек, эволюция, экологическая культура, экологическая этика, экологические проблемы

людина, еволюція, екологічна культура, екологічна етика, екологічні проблеми

man, evolution, ecological culture, ecological ethics, ecological problems

Понятие «экологическая культура» достаточно многогранное и размытое. Оно определяется по-разному: как «этап и составная часть развития общемировой культуры, характеризующие острым, глубоким и всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни и будущем развитии человечества» [9, с. 259]; как норма и идеал, ставящие экологически целесообразные ограничения на пути человеческого эгоизма; как система сформированных на базе экологической философии и передаваемых из поколения в поколение знаний, стереотипов мышления, поведения, чувств, практической деятельности, этических и религиозных представлений (духовный компонент), а также предметов, орудий, механизмов (предметный компонент), связанных со взаимоотношениями человека и природы [3, с. 98; 4, с. 188].

Современный человек (*Homo sapiens recens*) рассматривается как уникальный подвид особого вида животных, прошедший длительный путь биологической, а затем биосоциальной эволюции [1, с. 30; 6, с. 246; 10, с. 190; 11, с. 15]. Его уникальность и коренное отличие от других видов животных видится в развитии головного мозга, овладении речью, невероятной пластично-

сти поведения, владении огнем, сложных технологических навыках. Можно еще добавить возникновение религиозного чувства. Среди биологических особенностей следует отметить вертикальное положение тела, бипедию, необычайную подвижность верхних конечностей и их манипуляционные способности, утрату и редукцию ряда «звериных» признаков (клыков, волосяного покрова и др.). Основным принципом биологической таксономии и разнообразия жизни является признание уникальности любого биологического таксона, которые являются генетически уникальными, представляют собой группы естественных популяций различного типа и ранга. Все виды уникальны также в физиологическом, экологическом и поведенческом отношении, занимая, как и человек, каждый свою «экологическую нишу». Поэтому степень уникальности следует оценивать по тому, насколько сходны с человеком ближайшие родственники из числа ныне живущих видов, что в свою очередь зависит от того, сколько родственных видов вымерло раньше.

Морфологические, физиологические и генетические различия между современным человеком и крупными человекообразными обезьянами на удивление малы. Более значительны и существ-

венны различия поведенческие, но и здесь человек укладывается в рамки высших приматов. Палеонтологические находки последних лет новых вымерших видов гоминид (флоресский человек, голиаф и др.) показывают существование у них промежуточных технологических приемов, впоследствии исчезнувших. Это свидетельствует о существовании у человека нового направления эволюции – эволюции культурной, – в ходе которой знания и навыки передаются не через систему генетических механизмов, а путем обучения и усвоения. Именно с этого момента эволюция человека отделилась от основного русла биологической эволюции, когда естественный отбор стал дополняться параллельно процессом культурного отбора, а в ряде случаев полностью им заменяться, т. е. допускается возможность генно-культурной коэволюции [11, с. 20].

Однако многие черты человеческой культуры, рассматриваемые не в совокупности, а по отдельности, обнаружены в зачаточной форме и у других видов животных. Так, отдельные виды изготавливают и используют орудия (шимпанзе, ворона, галапагосский вьюрок, роющая оса и др.). У шимпанзе изучена способность к использованию языка жестов, понимание ими символов и грамматических структур. «Язык» свойствен в общении всем видам животных, у каждого он уникален, как уникальна речь для человека. Ряд видов (попугаи, врановые, скворцы) способны не только подражать человеческой речи, но понимать отдельные слова и фразы. Как и человек, животные способны не только быстро обучаться, но и быстро передавать информацию, развивать традиции в популяциях (японские макаки, городские вороны, синицы и др.). Все это показывает, что отдельные элементы «культуры» встречаются в различных формах среди животных, включая такие понятия, как речь, способность к обучению, изготовление и использование орудий, политика, эстетика. Возможно, их возникновение и развитие у человека шло независимо друг от друга в ходе эволюции и лишь на данном этапе существования общества сведено в общее понятие «культура».

Цель данного исследования – рассмотреть становление и соотношение экологической этики и экологической культуры в процессе эволюции человека; оценить значение врожденных поведенческих программ для формирования экологической культуры в современном обществе.

Для человека как биологического вида характерно наличие многих врожденных генетических программ, или инстинктов. Большинство из них по-прежнему совершенно необходимо, включая врожденные запреты, другие ослабли или устарели, а с некоторыми мы вынуждены бороться через обучение и воспитание (например, агрессивность). У человека многие инстинктивные запреты

(например: не убий, не укради, люби мать и отца), в отличие от животных, слабы от природы, легко нарушаемы и поэтому нуждаются в мощном подкреплении через обучение и религию [7, с. 311]. Новые полезные знания легче и крепче усваиваются мозгом через ритуальную и сакральную формы, чем логически стройные знания.

Биологическая сторона эволюции человека изучена достаточно полно, благодаря комплексному подходу со стороны различных наук (палеонтологии, антропологии, приматологии, морфологии, анатомии, физиологии, эмбриологии, генетики, экологии, биогеографии). С позиций эпигенетической теории эволюции становится объяснимой генетическая наследуемость, отражающая определенные этапы социальной эволюции человека. В его геноме сохранились гены «собираателя» (они четко проявляются у людей-коллекционеров), «великого охотника» (у нынешней армии охотников и рыболовов), «скотовода», «земледедца», которые проявляются у 5-10% людей [7, с. 21]. У остальных отсутствуют или слабы врожденные запреты на определенные виды деятельности в природе как наследие предковых форм. Поэтому такие запреты приходилось устанавливать через обучение, законодательные акты, религиозные или этические нормы. Например, для «собираателей» грибов, ягод и орехов – сроки и нормы изъятия продукции, для охотников и рыбаков – устанавливать сроки охоты, нормы добычи, технику добывания; для скотоводов – нормы выпаса скота во избежание перевыпаса; для земледельцев – правила севооборота, применения ядохимикатов и удобрений и т. д. Такие меры известны уже для ранних периодов становления человеческого общества.

Об этических и эстетических моментах жизни древних людей свидетельствуют наскальные рисунки и археологические находки. Первобытный собиратель, охотник, пастух и земледелец были естественными членами экологических систем. В силу их малочисленности их влияние на природу не было еще разрушительным, и они не нуждались в запретах поведения, нарушающего окружающую среду. Напротив, если бы они имели в то время сильные запреты, человек не смог бы идти по пути прогресса.

Однако вряд ли между первобытными людьми и природой существовала идиллия, уже в то время люди столкнулись с отрицательными последствиями своего воздействия на природу. Так, специализация отдельных племен в охоте на мамонтов послужила причиной их исчезновению, что привело и к полному исчезновению культуры охотников на мамонтов. В Америке также обрывается культура охотников на гигантских ленивцев вместе с исчезновением ленивцев. В Европе в

конце неолита полностью исчезают культуры охотничьих племен, их заменяют культуры собирателей-земледельцев и скотоводов, возникающие как бы в готовом виде [1, с. 84; 7, с. 26]. Первобытные охотники сами уничтожили свою кормовую базу и вымерли, на смену им из других мест пришли земледельцы-собиратели и настоящие земледельцы. Неумеренный выпас скота и выжигание саванны превратили Ближний Восток и Северную Африку в пустыню, от их многочисленных обитателей почти никого не осталось, свидетельством былого изобилия природы и процветания человека остались лишь наскальные рисунки.

Истощенные и брошенные первобытными людьми земли встречаются на всех материках, они хранят лишь материальные остатки своеобразных культур, а их обитатели стали жертвами катастроф, вызванных разрушением природной среды. Погибали те, кто не смог остановиться в своей неэкологичной деятельности, а выживали те, кто не доводил среду до катастрофы. Видимо, действовал своеобразный естественный отбор среди первобытных племен, вырабатывались защитные механизмы, которые изменяли поведение популяции при чрезмерном, опасном нарушении среды. Одним из таких механизмов стала любовь к природе, жалость к животным и растениям, стремление не уничтожать больше необходимости и не портить природу зря. Такое адаптивное поведение закрепилось генетически – как сопереживание страданиям других существ. С ним рождается каждый из нас, его легко развивать и усиливать в детском возрасте вплоть до полного психологического запрета. Но если дети видят, что взрослые легко нарушают этот запрет, то и у них это чувство гложет.

Первобытный человек занимал свою экологическую нишу, в экосистемах шли процессы коадаптации с другими видами [12, с. 296]. На более поздних этапах биосоциальной эволюции человек вышел за пределы своей экологической ниши, вышел из-под контроля естественного отбора, что и привело к возникновению антропогенных экологических кризисов. С развитием европейской цивилизации возникла вера человека в свои силы, в способности бороться с природой, преобразовывать и побеждать ее. Религия, философия, наука, искусство культивировали в человеке убежденность в своей исключительности, независимости от природы. Это привело к полному разрыву общества и природы на тысячелетия. Только в последние столетия стало очевидным, что человек – лишь один из видов животных, и его ближайшие родственники – обезьяны. А чтобы убедить каждого, что настало время заботиться об окружающей среде, а не безжалостно уничтожать и покорять ее, требуются десятилетия, хотя на помощь могут прийти скрытые бессознательные

защитные механизмы человека, а не только призывы к разуму. Свидетельством тому могут служить изменения в настроениях горожан, далеких от природы, сидящих у экранов телевизоров и переживающих ныне за судьбу далеких от них пингвинов, слонов, белых медведей. Это отголоски и начало пробуждения скрытых эколого-защитных инстинктов.

Уже в древних густонаселенных агрокультурно-урбанистических цивилизациях Египта, Месопотамии, Индии и Китая возникали и существовали культы священных растений и животных, прообразы будущих зоопарков, заказников и заповедников. Может, это были первые символы их высокой культуры и осмысленности в отношении с природой. Человек разумный современный появляется на свет с определенными программами поведения в этом мире, которые создавались, проверялись и отбирались в течение долгой эволюции. Эти древние инстинкты консервативны, они не командуют, а лишь направляют желания и мысли, оставляют разуму полную свободу действий в том или ином направлении. Потому так нужны и важны сейчас целенаправленно привитые через воспитание и обучение экологическая этика и экологическая культура, опирающиеся как на врожденные инстинкты, так и на достижения философии, науки и религии. В наши дни, согласно радикальным эгоцентристам и биоцентристам, человек, а также различные виды растений, животных, их сообщества, типы экосистем, биоты и биосфера Земли как целое представляют собой части морального сообщества, поэтому человек имеет прямые обязательства перед природой. Более консервативные направления биоцентризма распространяют сферу моральной значимости только на высших животных.

Важнейшей составной частью экологической культуры стала экологическая этика как система моральных суждений и действий людей по отношению к природе, в отношении того, что они считают лично и социально достойным, хорошим и правильным, и моральных рассуждений, которые они используют для оправдания таких суждений и действий; как совокупность принципов человеческой мысли и поведения, ориентированных на благо целостной системы «человек – природа», включая растения, животных и экосистемы [4, с. 192; 5, с. 88]. Определенное значение приобретает и экологическая эстетика как психологическая установка, заставляющая человека охранять природу из-за ее красоты.

Экологическая этика разделилась на два направления: биоцентрическое и эгоцентрическое. В рамках первого возникло и развивается движение этики благоговения перед жизнью А. Швейцера (хорошо все, что делается для блага отдельной жизни, отдельного индивидуума). К

этому направлению относятся также этика экологической добродетели, движение освобождения (прав) животных, биоэтика, этика эмпатии к природе, глубинная экология, природная этика, этика дикой природы. Экоцентрическое направление, или этика земли О. Леопольда, исходит из того, что хорошо все, что делается для блага экосистемы, видов животных или растений, а не отдельной особи [4, с. 34], – оно не несет религиозной нагрузки. К этому направлению относятся также концепция биорегионов, экоэтика О. Кинне, экотеменизм, гипотеза Геи, этика дикой природы. Экологическая этика в своих разнообразных формах пытается ответить на беспрецедентный вызов, брошенный человечеству, которое обрело глобальное экологическое господство, нарушив законы экосистем. Ответ заключается в расширении традиционных границ этики, включении в нее не только человека, но и всей биосферы в целом, всех существующих форм жизни.

Пионером новых взглядов стал в конце 40-х годов XX ст. О. Леопольд, впервые заговоривший об «экологической совести», о неотложной задаче сделать объектом общественной совести не только людей, но и землю, о необходимости целенаправленного экологического образования, культуры и этики. Будучи ведущим лесоводом, охотоведом и экологом в США, О. Леопольд хорошо понимал инерцию человеческого разума и слепоту просвещенных и благочестивых радетелей о природе, основные парадоксы в отношении человека к природе и причины раскола между человеком-завоевателем и человеком – членом биоты. Перейти к новым экологическим взглядам, по его мнению, можно лишь отбросив устаревшие предубеждения о чисто экономическом обращении с землей, обратив внимание на меры по сохранению целостности, стабильности и красоты биотических сообществ [9, с. 221].

Прошли десятилетия, прежде чем идеи и взгляды О. Леопольда были восприняты обществом, но они запоздали за стремительным развитием цивилизации, углублением экологического кризиса, стали казаться слишком мягкими и недейственными, хотя требовали резкой трансформации мышления, привязанностей, чувств и поведения. Возросло понимание необходимости более радикальной этики, которая появилась благодаря взглядам А. Нейса, основателя «глубинной экологии» [4, с. 38; 8, с. 644]. Основные положения его концепции сводятся к следующему. На определенном уровне зрелости человек начинает отождествлять себя с другими живыми существами, т. е. экологически мыслить (что, кстати, было свойственно древним людям); человек вырабатывает высоконравственное отношение к другим видам через расширение и углубление своего «я»; человек стремится не допустить опустошения своей

планеты, которое неизбежно ведет к гибели человечества. Любовь, альтруизм и сострадание – те принципы, на которых и формируются строгие нормы экологической и природоохранной этики и культуры.

Процветание и благо человеческой и нечеловеческой форм жизни на Земле расценивается как ценное само по себе. Ценность нечеловеческого мира не зависит от его пользы для человека. Богатство и разнообразие форм жизни содействует реализации этих ценностей, и люди не имеют морального права уменьшить это богатство и разнообразие, исключая случаи удовлетворения жизненно важных потребностей (этот принцип постулируется в Конвенции о сохранении биоразнообразия, Рио-де-Жанейро, 1992). Процветание человеческой жизни и культур совместимо только с существенным снижением человеческой популяции (по расчетам экологов – от ныне живущих 7,5 млрд. чел. до 0,5-1 млрд. чел.). Нынешнее вмешательство человека в природу уже чрезмерно и ситуация быстро ухудшается, поэтому политика должна быть срочно и кардинально изменена через задействование базовых экономических, технологических и идеологических структур. На первое место в обществе должно выйти высокое качество жизни, в оценку которого входит экологически зависимые характеристики: средняя продолжительность жизни, процент заповедных территорий в регионе, уровень доступного образования. Важнейшей задачей становится смена парадигмы – природа не может отныне рассматриваться просто как источник ресурсов для человека.

Глубинная экология не сводится к набору декларативных заявлений. Ею разработан целый комплекс техник, направленных на реинтеграцию человека в биосферу и в экосистемы: трансформационные ритуалы, упражнения, изготовление масок, эко-дыхание, медитации, направленных на эмпатию и отождествление с другими формами жизни. По мнению ее последователей, глубинная экология должна стать своеобразной социальной терапией, призванной найти лекарство, способное вылечить наши связи с окружающим миром.

Особняком в экологической культуре и этике стало направление биоэтики, связанное с человеком как биологическим существом. Она разделилась на два аспекта: медицинскую биоэтику, которая рассматривает вопросы отношения к человеческим существам (проблема абортов, клонирование), и собственно биоэтику, рассматривающую отношение человека к животным или, шире, к любым чувствующим существам. Сторонники биоэтики считают, что выдача патентов на трансгенных животных понижает статус живых существ до уровня полуфабрикатов и приводит животных к многочисленным страданиям. Генная

инженерия, биотехнология лишают жизнь ее универсальности, уникальности и священности, низводят все формы жизни до уровня обрывков информации, которые могут быть перекомбинированы по чьей-то прихоти [4, с. 41].

Заслуживает внимания и этическая концепция биорегиона Г. Снейдера, в соответствии которой биорегион как жизненная территория разнообразных жизненных форм, с его топографией и биотой, управляется природными механизмами, а не человеческим диктатом. С этими взглядами тесно перекликается Живая Этика, предложенная Н. К. Рерихом и Е. И. Рерих, целью которой является сохранение и восстановление природы («сада Земли»), пробуждение духовности в землянах, а также космоцентризм и теоцентризм. Согласно им человек не имеет права решать, каким должен быть мир, ценный сам по себе; наоборот, мир решает, каким быть человеку. Согласно теоцентризму, человек ответственен за судьбу биосферы перед Богом, что стоит над человеком [8, с. 630].

Когда мы начинаем оценивать, что означает «хорошо», то здравый смысл оказывается перед узлом неразрешимых противоречий. Хорошо для меня? Для общества? Для другого существа? Для природы? В последнем случае формально проще, поскольку природа чаще всего безмолвствует, а неблагополучие в ней мы воспринимаем как постфактум, когда плохо становится уже и нам. Зачастую этика и природа выступают как конфликтующие стороны, поскольку нравственные порывы отдельных людей и групп людей вступают в острое противоречие с естественными природными процессами, в итоге получается результат, противоположный ожидаемому. Как пример такой ситуации вспомним зимнюю подкормку птиц. Она вынуждает оставаться на зимовку часть перелетных птиц, которые позднее гибнут от морозов. Сердобольные люди поступают нравственно («спасают» голодных птичек!), но не подозревают о нарушении экологических закономерностей. Еще острее такое противоречие в случае оказания помощи птенцам, выбрасываемых из гнезда родителями (например, у белого аиста), поедаемых старшими братьями (каинизм) или родителями (кронизм; наблюдается у хищных птиц и сов). В природе для ряда видов животных это – закономерный механизм демографического характера, регуляция численности в соответствии с состоянием кормовой базы. Спасая таких птенцов, человек идет против природы, насильно вмешивается в работу этих жестких механизмов.

Сторонники первых действий стоят на позициях биоцентризма (прежде – «существо»), а вторые – на позициях экоцентризма или холизма (прежде – «сообщество»). Ряды сторонников биоцентризма пополняются за счет обывателей, а экоцентристов – за счет экологов-профессионалов

и экологически просвещенных непрофессионалов. Поиск взаимопонимания и компромисса между ними остается актуальным и важным, поскольку позволит охватить экологической культурой широкие массы. Правила же экологии и этики, закрепляющие прагматику их дискурсов, различны. Чтобы сторонники разных направлений экоэтики «играли в одни ворота», необходимы поиск и выработка общих правил. Экологическая этика питается энергией двойной трансгрессии: нравственность вторгается в природу и наоборот. Это предполагает экстраполяцию идеи ценности природы на все области современной жизни: науку, искусство, политику, идеологию, экономику, язык, педагогику [3, с. 46; 5, с. 110; 8, с. 283].

Человечество стоит на пороге глобального экологического кризиса, могущего перерасти в катастрофу. Тревожные сигналы о начале деструкции природных систем раздаются все чаще и настойчивее: о загрязнении и гибели океанов и морей, сокращении биоразнообразия и истощении биоресурсов, загрязнении атмосферы и глобальном потеплении, опустынивании и обезлесивании, смоге в городах, изменении климата, истощении озонового слоя, острой нехватке продуктов питания и пресной воды, энергетическом и демографическом кризисах... Люди уже давно предупреждены об этих последствиях и бедах технической цивилизации фантастами, алармистами и экологами, но не готовы к тотальной экологизации даже там, где имеются все предпосылки. Экологичное еще не до конца стало экономичным, а социальные выигрыши не уравнились по значению с примитивными доходами. Нехватка или отсутствие экологической культуры ведет к тому, что экологическая угроза осознана далеко не везде и не всеми, а главное – не получила разрешения в позитивных программах широкого масштаба на уровне отдельных стран и планеты в целом. Доминанта стремления человечества и отдельного человека по-прежнему направлена на получение максимальной прибыли. Принятые международные Конвенции и Соглашения, направленные на сохранения отдельных компонентов и элементов биосферы (Антарктиды, атмосферы, Черного моря, болот, морских побережий, китов, перелетных птиц, летучих мышей и др.) носят чаще декларативный характер и соблюдаются лишь локально.

Общих рецептов разрешения экологических проблем не существует, непрерывно возникающие проблемы конкретны и взаимосвязаны, но неразрешимых не существует. Технократическое мышление затрудняет понимание и решение многих экологических вопросов и проблем, поэтому первоочередной задачей должно стать развитие и глобальное внедрение экологической культуры, строящейся на экологических законах и принципах

пах. Они сводятся к «глубинной экологии» или «позеленению» нашего «Я», как то: наступило время думать глобально, а действовать локально; человек не может жить вне планеты, вне биосферы; человек является составной частью природных или окультуренных экосистем; человек стал глобальной деструктивной силой на планете; продолжается стремительный процесс глобального антропогенного загрязнения среды, что ставит человечество под угрозу вымирания; каждый биологический вид имеет равные с человеком права существовать на планете; продолжается процесс

коадаптации биосферы и человечества. Но следует не только помнить, но и применять на деле основные законы экологии: все связано со всем; все должно куда-то деваться; природа знает лучше; ничто не дается даром [8, с. 315]. Сохранение и охрана природы должны стать главнейшими вопросами благосостояния и условием выживания человечества. Экологическая культура становится мерилем реализации сущностных проявлений человека в социокультурном бытии, его зрелости и разумности.

Список використаних джерел

1. Алексеев В. П. Становление человечества / В. П. Алексеев. — М. : Политиздат, 1984. — 462 с.
2. Биологическая эволюция и человек / Под ред. Я. Я. Рогинского. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 240 с.
3. Борейко В. Е. Современная идея дикой природы / В. Е. Борейко. — Киев : Изд-во КЭКЦ, 2001. — 124 с.
4. Борейко В. Е. Прорыв в экологическую этику / В. Е. Борейко. — Киев : Изд-во КЭКЦ, 2001. — 204 с.
5. Борейко В. Е. Экологические традиции, религиозные воззрения славянских и других народов / В. Е. Борейко. — Т. 1—2. — Киев : Изд-во КЭКЦ, 2004. — 172 с.
6. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Ч. Дарвин Соч. : В 9 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 5. — 1040 с.
7. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы / В. Р. Дольник. — Санкт-Петербург : Паритет, 2003. — 320 с.
8. Крисаченко В. С. Людина і біосфера : основи екологічної антропології / В. С. Крисаченко. — Київ : Заповіт, 1998. — 688 с.
9. Леопольд О. Календарь песчаного графства / Леопольд Ольдо ; Пер. с англ. Гурова И. Г. ; Ред. Банников А. Г. — Изд. 2-е, стереотип. — М. : Мир, 1983. — 260 с.
10. Реймерс Н. Ф. Природопользование : словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. — М. : Мысль, 1990. — 640 с.
11. Шарден П. Т. де. Феномен человека : сб. очерков и эссе / Тейяр де Шарден П. ; Пер. с фр. Н. А. Садовского — М. : Наука, 1987. — 240 с.
12. Фоули Р. Еще один неповторимый вид : экологические аспекты эволюции человека / Р. Фоули ; Пер. с англ. Е. З. Годиной. — М. : Мир, 1990. — 368 с.

References

1. Alekseev, V. P. (1984). *Evolution of the mankind*. Moscow: Politizdat. [in Russian]
2. *Biological evolution and man*. (1989). (Y.Y. Roginsky, Ed.). Moscow: Publishing house of Moscow State University. [in Russian]
3. Boreyko, V.E. (2001). *Contemporary idea of the wild nature*. Kiev: Publishing House KECC. [in Russian]
4. Boreyko, V. E. (2001). *Break-through into Ecological Ethics*. Kiev: Publishing House KECC. [in Russian]
5. Boreyko, V. E. (2004). *Ecological traditions, religious views of Slavic and other nationalities*. Kiev: Publishing House KECC. [in Russian]
6. Darwin, Ch. (1953). *The Descent of Man*. Moscow: Publishing House Acad. Sc. USSR. [in Russian]
7. Dolnik, V. R. (2003). *The disobedient child of the biosphere*. St. Petersburg: Paritet. [in Russian]
8. Krysachenko, V. S. (1988). *Man and the biosphere: Basics of Ecological Anthropology*. Kyiv: Zapovit. [in Ukrainian]
9. Leopold, O. (1983). *Calendar of Sandy Earldom*. (I.G. Gurova, Trans., A.G. Bannikov, Ed.). Moscow: Mir. [in Russian]
10. Reymers, N. F. (1990). *Nature usage: reference dictionary*. Moscow: Mysl. [in Russian]
11. de Sharden, P. T. (1987). *Phenomenon of Man: selection of essays*. (N. A. Sadovsky, Trans.). Moscow: Nauka. [in Russian]
12. Foley, R. (1990). *One more unique species: ecological aspects of man's evolution*. (E. Z. Godina, Trans.). Moscow: Mir. [in Russian]

Відомості про автора:

Кошелєв Олександр Іванович

koshelev4@mail.ru

Мелітопольський державний педагогічний університет імені Богдана Хмельницького,
вул. Леніна 20, м. Мелітополь,
72312, Україна
doi:10.7905/vers.v0i2.580

Надійшла до редакції: 14.03.2013 р.
Прийнята до друку: 15.04.2013 р.